

Сверхновая фантастика
КОНСТАНТИНА ОБРАЗЦОВА

12 октября 2021 года
Куда: 2100, Зугдиди, Грузия
Кому: Когуа Нине Георгиевне

1

Здравствуй, дорогая Нина!

Я долго собирался написать тебе и едва ли не дольше писал. Начал еще в октябре, когда клены и тополи у меня под окном, словно гости на осеннем балу, стояли наряженные в багровое и золотое, пока сама хозяйка этого бала не посрывала с них все наряды ветром и холодным дождем, и сейчас они, нищие и продрогшие, тянутся снизу корявыми голыми сучьями, будто прокаженные, пришедшие за подаванием. За стеклом прозрачная темнота зимней ночи, из труб валит пар, сливочными клубами поднимается в небо, твердое, как ледяное стекло, и мерцание колючих звезд отражается в искрах морозного легкого снега. Если долго глядеть только вверх, то можно представить, что ты в космосе, один среди холода и пустоты, смотришь на дальние звезды с границ какого-то бесконечного войда. Я часто так делаю в последнее время: выключаю в квартире свет, сажусь у окна на кухне и смотрю в черноту.

Сначала я надеялся, что мне удастся отыскать тебя, да не вышло. Это кажется только, что во всемирной сети сейчас можно найти кого заблагорассудится, но для этого нужно, чтобы человек или был хоть сколько-нибудь заметен, или сам поделился информацией о себе. Так, например, в мае я нашел Ли Вэя, это было проще и быстрее всего. Он здесь врач, довольно известный, практикует традиционную китайскую медицину, у него немало пациентов в России, есть собственный сайт в интернете — туда-то я и написал через форму обратной связи, так, всего несколько слов: мол, привет, это кэп, вот мой телефон и электронный адрес, свяжись, когда будет удобно. Но он не связался. Я звонил по нескольким номерам с сайта, но везде мне отвечали — то на гуаньхуа с хайнаньским акцентом, то на английском, то на русском — сотрудники клиник: вежливо предлагали записаться к другим специалистам и так же вежливо сообщали, что поговорить лично с доктором Ли Вэем можно только у него на приеме и что он, к сожалению, очень занят в ближайшие несколько месяцев. И не в ближайшие тоже. Оставалось только любоваться на фотографию: конечно, лишние четыре десятка лет немало его изменили, но я уверен, что не ошибся — это он, наш Ли Вэй, без всяких сомнений.

Кого-то помог найти внук — у меня есть внук, представляешь! Зовут Егор, очень толковый юноша пятнадцати лет. Без него я бы совсем заплутал в социальных сетях, поисковых машинах, видеохостингах и всем прочем подобного рода; я быстро учусь и сейчас уже нипочем не спутаю Twitter и Instagram, а полгода назад еще изрядно терялся перед многооб-

разием кибернетических коммуникаций. Благодаря внуку мне удалось увидеть Эшли — вот была радость! Правда, всего на несколько секунд: с длинными седыми волосами, заплетенными в толстые косы, в каком-то пестром индейском пончо, воинственно вскидывая вверх сухонький старческий кулачок, она решительно двигалась навстречу полицейским шеренгам в плотной толпе демонстрантов, и вокруг нее возвышались, явно оберегая, несколько друг на друга похожих плечистых грузных мужчин в клетчатых рубашках и красных бейсболках — а потом раздался треск выстрелов, разрывы гранат и все заволкло густым белым дымом. Внук нашел и фотографию, сделанную из фрагмента этой видеозаписи: она широко разошлась по сети, а подпись гласила: «Ультраправая активистка Эшли Хатчинсон-Грант и ее шесть сыновей во время штурма Капитолия». Я обрадовался тогда: во-первых, тому, что у нее здесь есть дети — ты, наверно, не знаешь, но Эшли очень переживала, что не может стать матерью; а во-вторых, потому, что найти контакты ультраправой активистки, да еще и с шестью сыновьями в придачу, должно было быть проще простого. Но увы: их аккаунты в Facebook и Twitter оказались заблокированы, а потом и вовсе удалены; единственный известный телефонный номер в Лас-Вегасе отвечал месяца два длинными пустыми гудками, пока металлический женский голос не сообщил, что абонент этот более не доступен.

Зато мне удалось поговорить с Зойкой, пусть даже разговором это назвать можно с известной натяжкой. Я набрал раздобытый внуком одесский номер — это оказался мобильный ее сына или племянника,

толком не разобрать, да и не важно. Он несколько минут расспрашивал, кто я такой; я заверял, что старый друг и сослуживец Зои Михайловны и что она будет рада меня услышать; он попросил позвонить вечером, и я позвонил, и он снова спросил, кто я, потом долго куда-то шел с телефоном, слышно было, как кто-то шепчется, прикрыв микрофон рукой, и наконец я услышал Зойкин голос: «Але!» Ее шикарное контральто с годами таки дало легкую трещину, но это точно была Зойка — в конце концов, всего меньше года назад мне приходилось слышать этот голос в расцвете силы и красоты, и ошибка была невозможна. «Это я, кэп», — сказал я. Она переспросила, я стал объяснять, и вдруг она закричала: «Щоб ти здох!», и звонок оборвался. Я стал перезванивать, но постоянно слышал в трубке короткие гудки. Егор сказал, что так бывает, когда номер вносят в черный список.

Труднее всего оказалось найти несчастного Айхендорфа, даже точно зная, что он в Регенсбурге, — ты, конечно, помнишь этот очаровательный городок на Дунае. Когда мы там были? Если взглянуть сейчас на календарь, то получится, что две-три недели назад; по внутреннему времени моей памяти и сознания — тому более восьми месяцев; ну а если принять, что стояли на Каменном мосту, смотрели в воду, смеялись историям про коньки и зимнюю рыбалку, которые рассказывал нам бедняга Генрих, мы тридцатилетними, а сейчас всем нам за семьдесят, то можно ли считать, что прошло сорок лет с того дня?..

В общем, коль скоро так вышло, что я оказался в родном Ленинграде, Эшли — в Вегасе, а Зойка — в Одессе, то и Айхендорфа следовало искать в Ре-

генсбурге. Не самый большой город мира, но Егору пришлось постараться, чтобы найти там дальнюю родственницу Генриха, совсем юную, кажется, внучатую племянницу — она называла его дядей. «Дядя ни с кем не общается. Он стар, болен и лежит в клинике».

После этого стало ясно, что остальных искать смысла нет — никого, кроме тебя, дорогая Нина. Наверное, ты понимаешь почему.

Я решил для себя, что если не найду тебя до 12 октября, то просто напишу письмо на твоё имя в Зугдиди, в надежде, что местные почтальоны знают всех местных жителей, а не только тех, кто наследил в цифровом альтернативном пространстве. Может быть, найдется кто-то чудаковатый и добрый, как в старых фильмах, кто с помятым конвертом в руке будет обходить дом за домом на залитых солнцем живописных узких улочках, среди каменных стен и зарослей винограда, стучаться в калитки, спрашивать всех, не знает ли кто, где живет Нина Когуа, и ему будут помогать в поисках пионеры, и пенсионеры, и даже добродушные бродячие псы, и, конечно, найдут тебя — за накрытым белой скатертью длинным столом, во дворе, под платаном, в окружении любящих детей и множества внуков. В конце все пьют холодное красное вино, радуются, поют песни и вместе пишут ответ.

Надежда зыбкая, но хоть что-то.

Сначала я хотел черкнуть всего пару строк: жив здоров, как дела, вот мой адрес, а вот телефон, пиши, звони, буду рад. Но чем дальше, тем больше я хотел рассказать, спросить, обсудить; я стал делать

заметки и записи, и сейчас становится очевидно, что письмо превращается то ли в дневник, то ли в повесть, так что впору уже нумеровать главы — и я, пожалуй, прямо сейчас так и сделаю, поставлю цифру 1 в самом начале письма.

Вот, готово.

Многое я записывал просто на память, потому что она стала в последнее время меня подводить, и чем больше подробностей я вспоминаю про семьдесят лет моей жизни здесь, тем больше забываю про другие тридцать лет, особенно про последние 220 дней, что мы все провели вместе. Иногда даже такое, чего забыть, казалось бы, вовсе нельзя. Например, месяц, наверное, не мог вспомнить Зойку, как тебе это?! Помнил только, что был кто-то на ее месте, но кто? Почему-то лез в голову Густафсон, тот здоровенный норвежец с «Андромеды-1», борода-тый такой, в большущих очках. Поэтому мне нужно, чтобы кто-нибудь удостоверил, верно ли я помню хотя бы основные события, ибо от правильности этих воспоминаний зависит та мера ответственности за случившееся, которую несем мы с тобой: я, принявший решение, которое все изменило, и ты, которая меня поддержала.

Сегодня снова 12 октября 2021 года.

Удивительно, но, вопреки распространенному мнению, оказалось, что можно прожить один и тот же день дважды. Интересно, что сказал бы по этому поводу Айзек? Наверняка объяснил бы как-нибудь на языке науки, отчего все стало бы еще непонятнее. Но увы, он тоже не стал со мной говорить. Кстати, про Айзека я совсем забыл рассказать — вот чертова

память! Я ведь нашел и его тоже, правда, не в Акко, как можно было бы предположить, а в Беэр-Шеве. Егор, мой юный помощник и цифровой следопыт, сказал, что Айзек переехал жить к дочери. Я позвонил; он ответил сам. Я представился; он сделал вид, что не узнает меня и вообще не понимает, о чем и о ком идет речь. Мы препирались минуты две: я все более раздраженно настаивал и напоминал, он так же раздраженно от всего отнекивался, а потом бросил трубку. Но вот странно: примерно через полчаса с незнакомого номера с израильским кодом мне пришло сообщение на русском: «Не говори ни слова». И все. Написал ли это сам Айзек? Если да, то зачем? А если нет, то кто, и опять — с какой целью? Что за шпионские игры с подменной номера? И про что мне нельзя говорить? Впрочем, если загадочный отправление имел в виду известные нам события, то с предостережением он опоздал, ибо в начале мая уходящего года я благополучно о них проболтался.

Но обо всем по порядку. Давай я сначала расскажу тебе, как здесь устроился.

2

По местным меркам, жизнь моя сложилась неплохо. Прожил я ее инженером гидротехнических сооружений; временами ездил в командировки, бывал даже на Саяно-Шушенской ГЭС, но в основном сидел в НИИ на улице Гжатской. Как и многие, в начале девяностых годов гордо ушел из института, громко хлопнув дверью и пообещав через год стать

миллионером. Как и почти все, тихо вернулся обратно спустя десять лет, чтобы спокойно доработать до старости: в моем случае это означало до позапрошлого года, когда намеки начальства на то, что пора бы уже наконец выйти на пенсию, стали слишком прозрачными.

У меня есть альбом с семейными фотографиями; все лица в нем знакомые и незнакомые одновременно. Я ни разу не видел их. Я прожил с ними всю жизнь. Вот папа в военной форме и мама со старомодной прической — их давно уже нет. Вот я сам, с тонкими усиками, с опущенными по моде длинными волосами с косым пробором, в неловко сидящем душном костюме; меня держит под руку молодая жена в белой фате и пышном свадебном платье, похожем на большую порцию сахарной ваты; мы стоим у подножия лестницы во дворце бракосочетания на Английской набережной, а за нами до самого верха теснятся родственники и друзья — где теперь все эти люди? Живы ли? Почему сейчас нет никого рядом?.. Вот снова я, уже без усов, взволнованно таращусь в объектив и окостеневшими от напряжения руками держу большой сверток из толстого одеяла и тоненьких пеленок; фотография черно-белая, но можно не сомневаться, что одеяло синего цвета, потому что у меня — мальчик. Рядом жена, чуть располневшая, уставшая и счастливая.

Жену звали Ира, она умерла от рака шесть лет назад. Мальчику дали имя Олег, и сейчас ему уже срок семь. Таким сыном принято гордиться: у него успешная корпоративная карьера топ-менеджера, выплаченная ипотека, два автомобиля в семье,

из хобби — велосипед и горные лыжи. Еще у меня двое внуков: Ростислава — это дочь Олега от первого брака, она уже взрослая, самостоятельная, ей двадцать четыре, окончила какой-то университет, название которого я не могу вспомнить, по специальности, суть которой мне не понять, и занимается чем-то, связанным, кажется, с маркетингом или с психологией, — в общем, не знаю, а спрашивать еще раз не хочу, Ростислава сердится, когда я не могу разобраться в смысле ее работы. И внук Егор, о котором я уже говорил, это от нынешней жены Олега, Оксаны. Егору пятнадцать, он в десятом классе, увлечен компьютерами и математикой. В общем, как видишь, все молодцы и при деле. Сын, правда, уже полтора года как без работы, с мая 2020-го, но это дело житейское, утрясется. В общем, семья у меня благополучная. Не хуже, чем у людей.

Я живу в двухкомнатной квартире, на седьмом этаже старого панельного девятиэтажного дома цвета осеннего петербургского неба, на Придорожной аллее — это северная окраина города. Окна квартиры выходят во двор — там есть скверик с деревьями и построенный буквой «Н» детский сад такого же безнадежно унылого цвета, как и дом. Ранним зимним утром в свете безжалостно ярких голубых фонарей на фоне белого снега копошатся черные фигурки, преодолевающие сугробы, — это родители тащат за руку своих малышей сквозь тьму и мороз к чужой тете, сорвавшей голос от крика, к зеленым соплям, жестким раскладушкам и пенке на молоке. Окна общей лестницы дома смотрят на улицу, на другой ее стороне — море изломанных линий рыжих от

ржавчины гаражей, еще дальше — промзона, бетонные приземистые корпуса и высокие трубы которой простираются до туманного горизонта.

Я один, иногда по нескольку недель. Или месяцев. В комнатах постоянно висит раздражающий сумрак, даже днем, так что я включаю весь свет, но от него сумрак никуда не уходит, просто из серого превращается в тускло-желтый. Мне вообще не хватает здесь света и воздуха. Зато сны очень яркие и пугающе четкие, как будто реальность поменялась с ними местами. Всегда холодно. В щелях под дверьми со злым присвистом шепчутся сквозняки. Ночами через дверь слышно, как ветер завывает в трубе мусоропровода, с яростью лупит неплотно прикрытыми форточками на лестнице. Постоянно гудит лифт: стоит мне выйти, чтобы вынести мусор — хоть ранним утром, хоть глубокой ночью, хоть днем, когда все на работе, — как он непременно залязгает, завоет мотором и, надсаживаясь, потащит куда-то кабину. Я специально прислушивался: двери открываются, но шагов нет, тишина; потом створки опять смыкаются с металлическим клацаньем, секунда — и снова гул из лифтовой шахты. Я возвращаюсь в квартиру, открываю дверь, переступаю порог, из большого зеркала напротив входа мне навстречу шагает мое отражение, и каждый раз я пугаюсь — всего на долю мгновения, не больше! — что кто-то чужой вдруг вырвался с обратной стороны стекла. Это не мои страхи, не мои чувства; они принадлежат одинокому старику, которым я стал так внезапно, но я принимаю их вместе со всеми ранами, печальями, радостями, бо-

лю и горьким опытом семи десятков прожитых им лет.

Иногда мне кажется, что я сам становлюсь этим стариком все больше и больше.

Друзей у меня не обнаружилось: кто-то помер, кто-то потерялся за давностью лет; соседей по лестничной клетке я знаю по именам, прочих — в лицо, но редко когда говорю им что-то, кроме как «Здравствуйте!» и «До свидания!». Правда, есть одно исключение: сосед Александр, что живет этажом выше. Я часто встречаю его у мусоропровода: он меряет узкую площадку шагами, громко откашливается, с остервенением курит и яростно плюется, едва ли не ежесекундно. Ему за пятьдесят, он одинок и все время бранится и проклетывает недоброе — а в недоброе последние годы нет недостатка. Я первый раз встретил его в начале марта, почти сразу, как здесь появился. Он вышагивал от стенки до стенки, с силой втягивал и шумно выдыхал дым, то и дело заходясь надсадным кашлем. Увидел меня, мрачно зыркнул и поинтересовался:

— Вакцинировался уже?

Я не успел вспомнить, кто он такой, растерялся немного, но ответил:

— Да.

Александр звучно сплюнул, покачал головой и сказал:

— Ну ладно, ты-то старьей, свое пожил, один черт — помирать скоро. А вот остальным — хана, все, приплыли. Теперь всех на хрен чипируют. Как баранов.

Я не без удивления открыл в своем нынешнем характере странную деликатность, которая заставляет слушать неинтересное и соглашаться с нелепым только лишь для того, чтобы не обидеть малознакомого и не особенно приятного человека. Потому с тех пор и до сего времени, попадаясь Александру у мусоропровода, шурясь от едкого дыма и уворачиваясь от плевков, я узнал, что:

— Глобалисты это придумали, чтобы всех в цифровой концлагерь загнать. Они в ноябре 19-го проводили мировую репетицию по пандемии, а потом в феврале все и началось. Организовал учения фонд Гейтса, а Гейтс у нас кто? Главный спонсор ВОЗ. Вот и думай.

А еще, что:

— Шваб и Греф с поделчиками учения организовали по отключению всего интернета. Так что жди. Сначала деньги наличные отменяют, заставят все перевести в Сбер, а потом интернет отрубят — и все, плакали твои кровные. Будешь за хлебные карточки работать, чтоб только не сдохнуть. А вообще, все это Рокфеллеры еще десять лет назад в своих сценариях прописали. Неоконны чертовы.

И кроме того, что:

— ВОЗ уже и мероприятия свои проводит под Казанью, совместно с военными. Учат наших разворачивать мобильные пункты по вакцинации и ковидные концлагеря. Скоро все поедем туда, оглянуться не успеешь.

Я перестал выносить мусор вечерами и начал ходить к мусоропроводу днем, но дела это не поправило: Александра постоянно выгоняли с работы,

то с одной, то с другой, так что он располагал неограниченным досугом, во время которого, как мне кажется, только и делал, что читал новости и курил. Поэтому мне ничего иного не оставалось, как узнать, что:

— Все дело в бабках. У нашей Голиковой то ли сват, то ли брат хозяин конторы, которая вакцину выпускает. Вот тебе и все расклады. А в мировом масштабе если, ты себе представь! «Файзер» этот, к примеру! Когда уже они, суки, нажрут и треснут!

А после того, как Александр однажды не появлялся двое суток, что:

— Иду мимо, а он стоит, шипит мне: «Массссчку наденьте, массссчку!» И за рукав! Ну я развернулся и дал ему, как раз в массссчку...

Я заинтересовался источниками, из которых Александр черпал свои новеллы. Внук показал мне, что такое социальные сети и Телеграм, и я подписался разом на несколько десятков общественно-политических каналов, пабликов и тематических групп. Теперь, стоит мне только взять в руки смартфон или сесть за компьютер, как словно приоткрывается форточка, выходящая в клоаку мрачного переуллка гиблых трущоб, откуда несутся звуки поножовщины и мордобоя, или в коридор коммунального общежития самого низкого пошиба, где сутками напролет в комнатах перебранки и драки; а если приняться за чтение и вместо форточки распахнуть дверь пошире, то и перебранку, и драку, и поножовщину устроят у тебя дома, да и самого вовлекут в это малопочтенное мероприятие. Не могу сказать, что почерпнул из своих исследований

много полезной фактической информации, но зато наблюдений и выводов сделал предостаточно.

Дискуссия, как форма коммуникации для обмена мнениями и достижения согласия, здесь умерла совершенно и выброшена на обочину социальной истории будто околевавшая псина, без жалости и погребения. То, что сейчас по привычке именуется общественным диспутом, напоминает переключку двух противоположных фанатских трибун на футбольном матче, когда главное — это придумать кричалку пообиднее и проорать ее как можно громче. И тут уже не важно, будет ли кого-то чипировать Билл Гейтс — черт его знает, может, и да, или нет; правы ли те, кто написал семьсот тысяч комментариев в адрес председателя Думы, или те, кто отказывает написавшим в праве называться людьми; читал ли «Великую перезагрузку» Клауса Шваба хоть кто-то из тех, кто размалевал престарелого администратора ВЭФ в своих публикациях под Люцифера и сделал из него пугало для взрослых с рассудком детей; масон ли Греф, есть ли пандемия, опасен ли вирус, действительно ли у Рокфеллера уже седьмое пересаженное сердце или плоска ли Земля — какая разница, если вместо аргументов у оппонентов только брызжащая слюной ярость, примитивные насмешки и оскорбления?

Никогда еще факты не значили так мало, а мифы — так много.

Я подумал было, что такая ситуация сложилась только в электронном пространстве, но нет! Центральные телевизионные каналы помимо художественных передач, о достоинствах которых я пред-